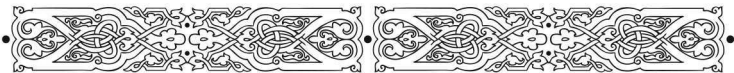
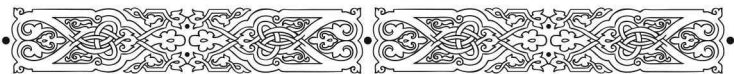

A dark grey horizontal arrow pointing to the right, with a smaller arrow pointing to the left inside it, creating a double-headed arrow effect. The text is centered within the arrow.

РУСЬ БОГАТЫРСКАЯ

БОРИС АЛМАЗОВ

Илья МУРОМЕЦ

СВЯТОЙ БОГАТЫРЬ

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А51

В оформлении переплета использована
иллюстрация художника *И. Хивренко*

Алмазов, Борис Александрович.
А51 Илья Муромец. Святой богатырь / Борис Алмазов. — Москва : Эксмо : Яуза, 2017. — 512 с.

ISBN 978-5-04-183138-7

Настоящим чудом стало появление на обескровленной усобицами и набегами половцев Русской земле героя, наделенного невиданной силой и сказочными способностями, в ратных подвигах которого отразились мечты народа о справедливом идеальном защитнике.

Тридцать лет и три года просидел Илья Муромец, не чувствуя ни рук ни ног, пока не получил чудесное исцеление и невероятную силу от странствующих старцев. Отныне добрый молодец занимает достойное место в дружине Владимира Мономаха. Поединки с Соловьем-разбойником и Идолищем Поганым, участие в кровопролитных боях против татар и кочевников в веках прославили чудо-богатыря.

Увлекательный, основанный на реальных исторических документах приключенческий боевик о славном русском богатыре, ставшем главным символом безмерной отваги и непревзойденной воинской доблести.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

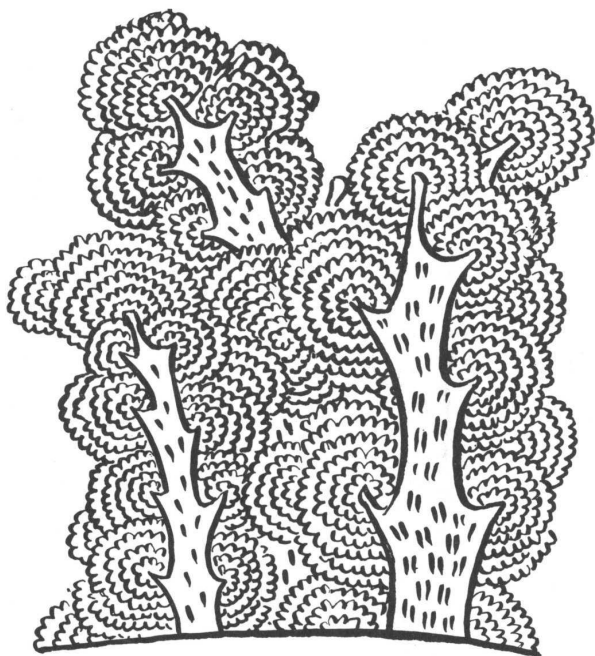
ISBN 978-5-04-183138-7

© Алмазов Б.А., 2017
© ООО «Издательство «Яуза», 2017
© ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Часть первая

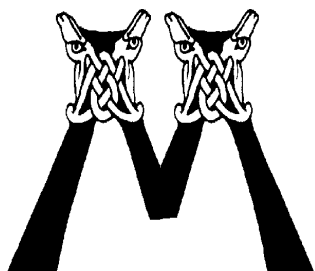
СТРАНА
ЯЗЫЧНИКОВ

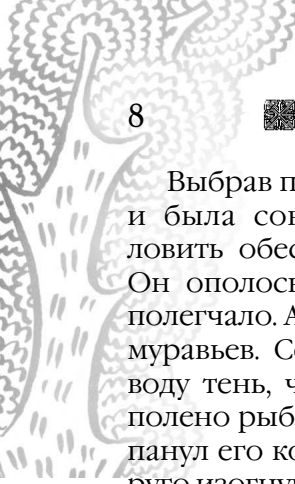
Глава 1

Калики переходящие

олодой медведь, еще прошлым летом ходивший у матери пес-туном младших медвежат, первую зиму спал в берлоге один. Половодье выгнало его из-под корней поваленной сосны, и вот уже несколько дней он бродил по весеннему лесу, наполненному запахами, шорохами, щебетанием птиц, жевал, как подсказывал ему инстинкт, все, что было съедобного, да вот не все мог взять — не хватало умения. Пробавлялся всякими корешками. Отогнал волков от загрызенной ими и наполовину сглоданной оленихи — вдоволь наелся. По глупости залез в муравейник и полдня потом вычихивал едучих муравьев, всю ночь прятал искусанный нос во влажный болотный мох, а на рассвете пошел к реке.

Река уже вернулась в берега, но была еще по-весеннему быстроходна, хотя уже почти по-летнему мелка. Вверх по течению, подпрыгивая над порогами, сверкая серебром чешуи, шла на нерест рыба.

Выбрав песчаную отмель, где река делала поворот и была совсем неглубока, медведь примостился ловить обессиленных борьбой с течением рыбин. Он ополоснул нос в шелковых водяных струях — полегчало. А охотничий азарт заставил позабыть про муравьев. Сел прямо в воду, левой лапой навел на воду тень, чтобы видно было похожее на большое полено рыбе тело, и молниеносным движением цапанул его когтями правой лапы. Толстая рыбина, упрugo изогнувшись, взлетела над водой — медведь сноровисто подхватил ее, прокусил голову и сунул под себя, придавив в воде задом. Тем же манером поймал вторую, третью... Но когда пошарил под собой по дну — рыб там не оказалось!

Заматав недоуменно башкой, медведь кинулся искать — рыбы не было! Застонав от огорчения, он поймал еще двух и тем же манером спрятал под себя, но и те пропали! В огорчении мишка заколотил лапами по воде... И решил попробовать в последний раз!.. Но странный звук, не похожий ни на один голос леса, заставил его насторожиться, поднять голову и глянуть на противоположный берег...

Там стоял человек. Он — смеялся.

От растерянности мишка открыл пасть и оторопел. Человек вдруг согнулся и прошелся по берегу, как медведь...

Мишка увидел себя. Человек изображал, как медведь рыбачит. Гибкой рукой показал и взлетевшую над водой рыбу, и как медведь спрятал ее под себя.

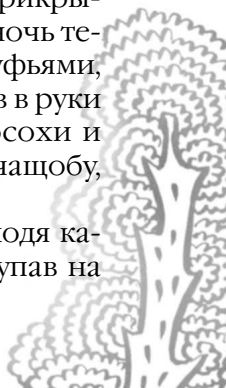
Мишка как замороженный смотрел на человека... А тот объяснял, как течение унесло пойманную рыбину, когда медведь потянулся за второй. Человек показал, как взлетела над водой рыбина и как нужно ее вышвырнуть на берег, откуда она не уйдет. Мишка понял. Тут же выхватил из воды очередную добычу и швырнул ее на песчаный берег. Поймал вторую рыбину... Оглянулся. Первая, шлепая тяжелым хвостом,

плясала на прежнем месте. В восторге медведь запрыгал по мелководу, поднялся на задние лапы... Глянул через реку, но там никого не было... Не шевелились низко нависшие над водой смородиновые кусты, строго, чуть качая в вышине вершинами, безмолвствовали сосны...

А человек был уже сажень¹ за триста. В глубине оврага, почти не давая дыма, горел маленький костерок. Около огня другой человек ловко и сноровисто чинил лапоть. Пришедший от реки поставил ближе к костру деревянный жбанчик с водой и покидал в него раскаленные в костре камушки. Вода мгновенно закипела. В нее человек положил крупные куски рыбы и две рыбьих головы, туда же бросил две луковицы и, как величайшую драгоценность, — крупную серую соль. Когда глаза в рыбьих головах побелели, человек выхватил из костерка головешку и загасил ее в уха. Его товарищ тем временем закончил ремонт лаптя, убрал снасти — кочедык², шило, крюк... Обул лапоток, притопнул ногой. Причесавшись деревянными гребешками, оба мужчины — были они немолоды, седина выбелила головы и бороды — стали на колени лицом к солнцу и начали беззвучно молиться, широко осеня себя крестом и кладя земные поклоны. Отмолившись, так же тихо перекрестили еду и взялись за ложки. Между ними не было сказано ни одного слова, все совершалось в полной тишине. Закончив трапезу, они, так же молча, помолились. Затем тщательно уничтожили все свои следы — кострище закопали и прикрыли дерниной, завалили ветками примятый за ночь телами мох, — покрыв головы монашескими скуфьями, закинули на плечи полупустые котомки и, взяв в руки крепкие, отполированные в странствиях посохи и перекрестясь, зашагали через непролазную чащобу, ступая легко, словно невесомо.

Они шли, сторонясь селений и далеко обходя капища местных племен. Как лист древесный, упав на

воду, не оставляет за собою следа, так и они неслышно и незаметно шли лесами, пойменными сырими лугами и болотами, прорезая своими телами чащобы и заросли, беззвучно и легко, как птицы прорезают воздух, а рыбы — воду.

Несколько раз выходили они к славянским городищам, к острогам мерян и руси, о чем-то беседовали со старейшими и шли спокойно дальше, потому ни для кого не представляли ни угрозы, ни поживы. Годами были преклонны и для полона и продажи в рабство не годились, а при себе не имели ни скольнибудь дельных животов, ни золота, ни серебра, ни меди красной, ни одной железной вещи. Иглы да шила у них были костяные. Костяным же был и нож, один на двоих, и даже схороненные далеко под рубахи нательные кресты были резаны из кипариса ерусалимского — деревянные.

Однако, хранимые Господом Иисусом Христом, Богом новой для сих леших мест веры, не были монахи странствующие, калики переходные, беззащитны. Не единожды лихие люди пытались примучить их забавы ради, да выходило не больно ладно. У лесов муромских, в стороне от всяких городищ, кинулась на них мурома соловая, белоглазая, желтоволосая. Ни о чем не спрашивая, изгоном-излетом выскочили из кустов да с деревьев попрыгали с десятков лихих разбойничков, удалых охотничков... Хотели, видно, монахов христианских православных в жертву своим идолам деревянным принести. Сказывают, у здешних язычников пуще славы не было, как перед богами своими из груди священника либо муллы вырвать сердце и вымазать им, кровоточащим, горячим и трепещущим, губы деревянному истукану с рогами позлащенными.

Потому кинулись лютые муромы, не поздравствовавшись и даже не задираясь, сразу, будто ждали калик переходных. Были они ребята молодые, крепкие